

УДК 316.775

**ЧЕРТЫ ИНТЕРНЕТ-ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКИХ
«ЦИФРОВЫХ АБОРИГЕНОВ»: ВЫВОДЫ ДЛЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ***

Д. В. Руденкин

*Кандидат социологических наук,
ORCID 0000-0001-8860-165X,
e-mail: d.v.rudenkin@urfu.ru,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия*

**FEATURES OF INTERNET BEHAVIOR
OF RUSSIAN «DIGITAL NATIVES»: CONCLUSIONS
FOR THE EDUCATION SYSTEM**

D. V. Rudenkin

*Candidate of Sociological Sciences,
ORCID 0000-0001-8860-165X,
e-mail: d.v.rudenkin@urfu.ru,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia*

Abstract. The paper is devoted to empirical testing of the hypothesis about the prospects of using Internet technologies for teaching representatives of the current generation of students. The author tests the widespread scientific assumption that growing up in the conditions of the total spread of the Internet in the life of society made contemporary students predisposed for active integration of Internet technologies in the process of learning. Using the data of his own sociological research, the author seeks to assess how progressively the Internetization of the learning process in many educational institutions corresponds to the real habits and needs of the student audience.

Keywords: students; education system; social media; «digital natives».

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного гранта № 20-011-00683*

Введение

Ключевая цель данной работы – эмпирическая верификация предположения о перспективности использования Интернета для обучения современных студентов. Постепенное внедрение Интернет-технологий в процесс обучения в последние годы стало характерным трендом развития системы образования во многих странах мира. Мода на активное использование подобных технологий в процессе обучения наметилась еще до начала пандемии коронавирусной инфекции и вызванных ей карантинных мер, которые вынудили образовательные организации экстренно переводить процесс учебы в удаленный формат и еще более активно задействовать в обучении ресурсы Интернета. И нет серьезных сомнений в том, что

после окончания пандемии школы, колледжи и университеты по всему миру будут проявлять еще больший интерес к внедрению Интернет-технологий в процесс обучения студентов. Тем не менее, несмотря на кажущуюся неизбежность все более интенсивного внедрения Интернет-технологий в процесс обучения, целесообразность такой интернетизации системы образования отнюдь не выглядит очевидной. И в своей работе мы бы хотели сделать шаг в направлении оценки такой целесообразности.

Одна из ключевых концептуальных проблем, касающихся оценки целесообразности интернетизации процесса обучения, связана с тем, соответствует ли этот процесс реальным запросам и поведенческим практикам самих студентов. Аргу-

ментация в пользу активного внедрения Интернет-технологий в процесс обучения обычно строится на негласном допущении о том, что большинство современных студентов состоит из так называемых «цифровых аборигенов», то есть людей, которые выросли в условиях тотального распространения информационных технологий и привыкли рассматривать их как естественную среду своей социальной активности. Надо отметить, что исходная установка этого допущения вполне логична: годы взросления нынешних студентов во многих странах мира действительно пришлось на период активной интернетизации общества, поэтому говорить о них именно как о «цифровых аборигенах» вполне возможно. Однако верно ли утверждение, что такие «цифровые аборигены» заинтересованы в активном использовании Интернета в процессе обучения? Соотносятся ли наметившееся внедрение Интернет-технологий в процесс обучения их реальным запросам и привычкам или все же расходится с такими запросами и привычками? К сожалению, ясных и точных ответов на эти вопросы наука пока не выработала.

В данной работе мы намерены обратиться к материалам собственного эмпирического исследования и разобраться в этих запутанных вопросах.

Обзор литературы

Изучение «цифровых аборигенов» имеет в социально-гуманитарной науке относительно давнюю историю, и к настоящему времени это понятие уже стало привычным для профильных исследователей. Авторство этого термина приписывается американскому социологу М. Пренски, который в начале 2000-х гг. сформулировал гипотезу о существовании специфических особенностей сознания и поведения у людей, выросших в условиях повсеместного распространения информационных технологий [15]. Собственно, термин «цифровые аборигены»

М. Пренски использовал именно для описания тех людей, которые вступали в жизнь в условиях тотального распространения информационных технологий и еще с раннего детства привыкли к их постоянному присутствию в своей жизни. М. Пренски полагал, что черты сознания и поведения «цифровых аборигенов» принципиально отличаются от тех, что характерны для «цифровых мигрантов» – людей, которые начинали активно пользоваться информационными технологиями уже во взрослом возрасте и понимают, как может выглядеть жизнь без таких технологий. Надо признать, что несмотря на определенную поверхностность рассуждений М. Пренски, упоминающуюся как его критиками [18], так и им самим [16], базовая идея, которая в них отражена, оказалась популярной среди ученых и неоднократно ложилась в основу конкретных исследовательских проектов [5; 6]. И в целом можно сказать, что идея о специфичности сознания и поведения «цифровых аборигенов» укоренилась в науке довольно прочно.

Характерно при этом, что идея о специфичности сознания и поведения «цифровых аборигенов» не только укоренилась в социально-гуманитарной науке, но и стимулировала выдвижение гипотез о перестройке общественных процессов с целью адаптации к подобной специфичности. Ревизия актуальных научных статей и монографий показывает, что вопрос о важности адаптации общественных процессов к специфическим привычкам «цифровых аборигенов» неоднократно ставился в контексте трансформаций алгоритмов работы с персоналом [12], повышения эффективности маркетинга товаров и услуг [17], оптимизации распространения информации для массовой аудитории [14] и целого ряда иных сфер. Конечно, глубокий анализ подобных исследовательских работ нередко показывает, что многим из них характерен дефицит конкретики: во многих из них скорее

обосновывается необходимость адаптации тех или иных процессов к особенностям сознания и поведения «цифровых аборигенов», а не озвучиваются конкретные предложения по проведению такой адаптации. Однако в данном случае многочисленность таких научных работ показательна вне зависимости от глубины их проработки. Значительное число подобных работ говорит о том, что идея о необходимости адаптации социальных процессов к особенностям мышления и поведения «цифровых аборигенов» не только известна в науке, но и получила довольно широкое распространение.

Профильный для данной работы вопрос о необходимости адаптации системы образования к особенностям мышления и поведения «цифровых аборигенов» также уже ставился в научной литературе. Анализ недавних публикаций показывает, что идея о важности адаптации системы образования к потребностям «цифровых аборигенов» получила практически повсеместное распространение: за последние годы публиковались резонансные работы, посвященные соответствующим трансформациям в системах образования в странах постсоветского пространства [1], Юго-Восточной Азии [10], Восточной Европы [11], Ближнего Востока [13] и других регионов мира. Тем не менее, несмотря на многочисленность и разносторонность подобных научных работ, потенциальная адаптация системы образования к особенностям сознания и поведения «цифровых аборигенов» все же вызывает менее однозначные оценки в научном сообществе, чем аналогичные процессы в других областях. Некоторые исследователи оптимистичны в своих оценках и считают, что специфика сознания и поведения «цифровых аборигенов» требует более активного задействования Интернет-технологий [7; 9; 20]. Другие более скептически в этом вопросе и отмечают, что тотальное внедрение Интернет-технологий в процесс обучения расходится с реальными запросами «цифровых аборигенов» и несет

в себе немало рисков [4; 19]. И в целом каждая из этих точек зрения опирается на логичную и прозрачную аргументацию.

Рискнем предположить, что причина дискуссий, которые возникают в науке по этому поводу, кроется в расплывчатости самого представления о том, какие именно особенности мышления и поведения характерны для тех людей, которых ученые привыкли называть «цифровыми аборигенами». К сожалению, исходное определение, сформулированное М. Пренски, позволяло судить об этом лишь поверхностно: исходная логика его рассуждений была направлена скорее на обоснование принципиальной возможности существования специфики мышления и поведения людей, которые выросли в условиях тотального распространения информационных технологий, чем на описание конкретных проявлений этой специфики. Поэтому заложенная им идея о специфичности мышления и поведения «цифровых аборигенов» так и не конвертировалась во внятную аналитическую модель: соглашаясь с исходной предпосылкой рассуждений М. Пренски, его последователи так и не сформулировали устойчивого представления о том, какие именно черты мышления и поведения отличают «цифровых аборигенов» от представителей иных социальных групп [8]. В свою очередь, дефицит ясности и конкретики рассуждений в этой области привел к появлению противоречивых и неконкретных представлений по соответствующим вопросам.

Представляется вероятным, что из-за противоречий и двусмысленностей, которые сложились в этой предметной области, могла произойти переоценка реальных потребностей «цифровых аборигенов» во внедрении Интернет-технологий в процесс обучения. Экономичность и прозрачность Интернет-технологий обучения во многом преопределили моду на их внедрение среди образовательных организаций, стремящихся к сокращению собственных издержек. Поэтому гипотеза о том, что внедрение Интернет-технологий

в процесс обучения соответствует реальным потребностям «цифровых аборигенов» оказалась популярной, даже несмотря на то, что реальных исследований, которые могли бы ее подтвердить, практически не проводилось. Если это предположение верно, то обозначенный скептицизм, о котором шла речь выше, может оказаться органической реакцией аналитиков на соотнесение теоретических предположений с фактами: вполне возможно, что на самом деле представители «цифровых аборигенов» оказались не особенно заинтересованы в интернетизации процесса обучения.

Таким образом, на основе анализа современной научной литературы мы можем сформулировать исходную гипотезу нашего исследования. Наше предположение состоит в том, что взросление в условиях тотального распространения информационных технологий формирует у представителей «цифровых аборигенов» привычку активно и постоянно использовать такие технологии для решения повседневных задач, но в то же время не приводит к возникновению у них выраженного запроса к использованию таких технологий для обучения. Проще говоря, мы предполагаем, что «цифровые аборигены» привыкают активно использовать Интернет-технологии в быту, но в целом не заинтересованы в тотальном проникновении таких технологий в процесс обучения. Ниже мы опишем результаты социологического исследования, которое мы провели на материалах российских студентов для проверки этой гипотезы.

Методология исследования

Исследование, на данные которого мы будем ссылаться ниже, было выполнено нами в начале 2020-го г. среди студенческой молодежи в г. Екатеринбурге. Основная цель исследования – всесторонний анализ моделей поведения «цифровых аборигенов» в Интернете и оценка рисков и возможностей, создаваемых этими моделями. Акцент на анализе студентов в России был сделан неспроста. Исследователи часто отмечают, что проникновение Интернета в жизнь российского общества оказалось намного более резким и быстрым, чем в Европе и США [2; 3]. Соответственно, мы полагаем, что контраст между «цифровыми аборигенами» и предыдущими поколениями в случае российского общества может проследиваться ярче, чем в иных странах. Иначе говоря, по анализу «цифровых аборигенов» в современной России допустимо делать выводы о специфике мышления и поведенческих закономерностей «цифровых аборигенов» в целом.

Исследование проводилось в форме анкетного опроса. В опросе приняли участие 317 представителей студенческой молодежи города в возрасте от 18 до 24 лет из пяти наиболее крупных учебных заведений: Уральского федерального университета, Уральского государственного экономического университета, Уральского государственного педагогического университета, Уральского государственного горного университета и Уральского государственного университета путей сообщения. Набор респондентов проводился на основе квотной модели выборки по полу, возрасту и образовательному учреждению (См. Табл. 1).

Таблица 1

Выборка, использованная при проведении опроса

Вуз	18–19 лет		20–24 лет		Итого
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	
УрФУ	16	18	49	50	133
УрГЭУ	15	10	18	26	69
УрГПУ	7	7	18	13	45
УГГУ	6	5	13	12	36
УрГУПС	5	4	13	12	34
Всего	49	44	111	113	317
	93		224		

Подчеркнем: эмпирические данные для исследования собирались до начала пандемии Covid-19, которая вынудила образовательные учреждения перенести процесс обучения в виртуальное пространство стимулировала рост значения Интернет-технологий в процессе обучения. Таким образом, полученные данные как раз отражают наиболее естественные особенности Интернет-поведения опрошенных. Соответственно, есть основания полагать, что выявленные в ходе анализа закономерности будут стабильными и в том или ином виде сохранятся после преодоления сложных последствий пандемии.

Результаты исследования и обсуждение

Анализ данных, собранных в ходе анкетирования, позволил сделать несколько принципиальных выводов.

Первый вывод. Интернет действительно является привычным и активным используемым средством коммуникации «цифровых аборигенов». Анализ данных показал, что 98 % опрошенных относят

себя к активным Интернет-пользователям, а 72 % из них проводят в виртуальном пространстве как минимум 3 часа ежедневно. Показательна и многогранность Интернет-активности, которая обнаружилась у опрошенных: в среднем каждый из них назвал не менее 3 конкретных целей использования Интернета, причем среди таких целей звучали не только развлекательные активности, но и утилитарные, бытовые (см. рис. 1). Иными словами, анализ показал, что Интернет превратился для абсолютного большинства опрошенных студентов в привычный и неотъемлемый атрибут повседневной жизни, на использовании которого построено множество естественных для них рутинных практик. Поэтому сама по себе идея активного применения Интернет-технологий для обучения таких «цифровых аборигенов» не лишена логики: если использование таких технологий привычно студентам в повседневной жизни, то и опора на них в решении образовательных задач не должна вызывать каких-то проблем.

**Рис. 1. Для чего Вы чаще всего пользуетесь Интернетом?
(поливариантный вопрос, % от числа ответивших)**

Второй вывод. Запрос на использование Интернета для обучения среди «цифровых аборигенов» есть, но выражен относительно слабо. Собранные опросные данные в этом смысле дают довольно противоречивую картину. С одной стороны, обучение не входит в перечень наиболее важных целей, ради которых опрошенные пользуются Интернетом: на первых местах по популярности оказываются поиск информации, общение и просмотр видео. С другой стороны, доля тех, кто использует Интернет именно для обучения, среди опрошенных также оказалась довольно велика (см. рис. 1) Столь противоречивая картина говорит о том, что обучение на данный момент не является главной целью, ради которой опрошенные пользуются Интернетом, но все же базовая идея о том, что в Интернете можно не только общаться и развлекаться, но и учиться чему-то новому, большинству респондентов знакома. Фактически это тоже говорит о том, что определенный запрос на использование Интернета в процессе обучения у «цифровых аборигенов» сло-

жился и опора на него в рамках решения образовательных задач вполне может иметь смысл.

Третий вывод. Информационные ресурсы с образовательным и просветительским контентом пользуются спросом у респондентов, но времени на них обычно тратится не много. Хотя, как отмечалось выше, общий запрос на использование Интернета для обучения у опрошенных скорее прослеживается, сейчас они проводят на обучающих сайтах довольно ограниченное время. В среднем каждый из опрошенных тратит на посещение учебных и научных сайтов 1 час в день или менее. Это сопоставимо с тем временем, которое они тратят на посещение Интернет-магазинов и чтение новостей. В то же время, на просмотр видеоблогов и чтение социальных сетей чаще всего тратится большее время – в среднем каждый опрошенный проводит на таких сайтах 3 часа в день и более. Такие временные дисбалансы говорят о том, что реально образовательные и просветительские ресурсы не вызывают у «цифровых абори-

генов» первостепенного интереса: они посещают подобные сайты, но пользуются ими очевидно менее активно, чем теми же социальными сетями. Соотнося этот вывод с тем, что упоминалось выше, мы можем отметить, что запрос на использование Интернета для обучения у «цифровых аборигенов» часто склонен оставаться лишь в потенциальной плоскости: декларируя определенную готовность к обучению в виртуальном пространстве, на практике они проводят довольно мало времени на сайтах, которые для этого предназначены.

Четвертый вывод. Перспективы использования Интернета для обучения «цифровых аборигенов» существенно осложняет их привычка пользоваться информационными ресурсами с помощью мобильных, а не стационарных устройств. Анализ данных, которые были собраны в ходе опроса, продемонстрировал: подавляющее большинство опрошенных пред-

почитают пользоваться Интернетом с помощью мобильных устройств, а не с помощью стационарных компьютеров с полноценным рабочим функционалом (см. рис. 2). Конечно, такая привычка «цифровых аборигенов» пользоваться Интернетом именно с помощью мобильных устройств совсем не отменяет перспектив использования Интернета для их обучения: очевидно, что соответствующие задачи могут решаться и с помощью мобильных устройств. Тем не менее, такая привычка осложняет решение этих задач и требует поиска более гибких подходов: ограниченный функционал мобильных устройств делает их явно менее удобными для трансляции образовательного контента. Соответственно, мы можем отметить, что устоявшиеся у «цифровых аборигенов» привычки использования Интернета скорее осложняют его использование для обучения, а не благоприятствуют ему.

Рис. 2. Через какое устройство Вы обычно пользуетесь Интернетом? (закрытый альтернативный вопрос, % от числа ответивших)

Обобщая эти разрозненные выводы, обнаруженные в ходе исследования, мы можем констатировать, что наша гипотеза скорее подтверждается. Несмотря на то, что «цифровым аборигенам» действительно свойственна привычка активно пользоваться Интернетом для решения целого ряда повседневных задач, оформленной и четкой установки на его использование для обучения у большинства из

них нет. Можно сказать, что определенный потенциал для использования Интернета при обучении «цифровых аборигенов» сложился, однако текущие практики их поведения в виртуальном пространстве осложняют его реализацию. Полученные исследовательские данные говорят о том, что базовая идея о возможности использования Интернета для обучения многим «цифровым аборигенам» скорее нравится.

Тем не менее, одобрение этой идеи остается скорее потенциальным и декларативным: реальные практики использования Интернета, которые сложились у «цифровых аборигенов», скорее осложняют процесс использования его в качестве ресурса обучения, чем благоприятствуют ему.

Заключение

Подведем краткий итог работы. Исходным импульсом к написанию данной статьи являлось наше желание оценить перспективы использования Интернет-технологий для обучения «цифровых аборигенов». Столкнувшись с запутанностью представлений об этом в исследовательской литературе, мы обратились к анализу конкретного эмпирического кейса современных российских «цифровых аборигенов» с целью выявить реальные практики их Интернет-поведения и определить перспективы, которые такие практики открывают для использования Интернета в качестве инструмента их обучения. Данные, которые были собраны в ходе этого исследования, показали, что текущие привычки использования Интернета, сложившиеся у российских «цифровых аборигенов», превращают его в перспективный, но специфический и ограниченный по своим возможностям ресурс поддержки образовательного процесса. Потенциал использования Интернета для обучения «цифровых аборигенов» обусловлен их привычкой активно пользоваться информационными технологиями для решения рутинных повседневных задач и декларируемой готовностью использовать виртуальные сервисы для того, чтобы научиться чему-то новому. Однако реализацию этого потенциала в данный момент существенно осложняют привычка «цифровых аборигенов» посещать Интернет в первую очередь через ограниченные по функционалу мобильные устройства и ограниченность времени, которое реально тратится ими на изучение образовательных материалов.

Библиографический список

1. Вихрова О. Ю. Особенности представителей поколения Z применительно к образовательному процессу // Век информации. – 2018. – № 1. – С. 165–173.
2. Егоров Н. С. Интернет и личность «цифровых аборигенов»: к проблеме виртуальных границ // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2020. – № 1. – С. 95–102.
3. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. – 2018. – № 3. – С. 15–33.
4. Рулиене Л. Н. Преподаватель университета в цифровом образовательном пространстве: риски и ожидания // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 3 (80). – С. 343–346.
5. Сиврикова Н. В., Харланова Е. М. Стратегии поведения цифровых аборигенов в период пандемии COVID-19 // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2020. – № 3. – С. 648–655.
6. Фёдорова Е. Е. «Цифровые аборигены» в новом – коммуникативном пространстве // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 3. – С. 30–35.
7. Шейпак С. А. Дискурсивные репрезентации «цифрового поколения» и смена парадигмы образования // Современные исследования социальных проблем. – 2018. Т. 9. № 5. – С. 114–138.
8. Evans C., Robertson W. The four phases of the digital natives debate // Human Behavior and Emerging Technologies. – 2020. – № 2(3). – pp. 269–277.
9. Haddad N. A. The 21st century knowledge and learning heritage experiences and the “digital native” generation // TOJET: The Turkish Online Journal of Educational Technology. – 2016. – №1(12). – pp.705–713.
10. Huang Y., & Wang L. Net generation, digital natives and Learning Commons. // Advances in Intelligent Systems and Computing 2020 International Conference on Applications and Techniques in Cyber Intelligence. – 2020. – pp. 557–563.
11. Jabłońska M. R., Zajdel R. Time Perspectives and Online Behavior of Digital Natives at the Tertiary Education Level // Polish Sociological Review. – 2019. – № 2(206). – pp. 217–235.
12. Kesharwani A. Do (how) digital natives adopt a new technology differently than digital immigrants? A longitudinal study // Information & Management. – 2020. – № 57(2)ю – pp. 103–170.
13. Moustafa L. H. Teaching the digital natives // Review of Middle East Studies. – 2017. – № 51(1). – pp. 45–49.

14. Ohme J. When digital natives enter the electorate: Political social media use among first-time voters and its effects on campaign participation // *Journal of Information Technology & Politics*. – 2019. – № 16(2). – pp. 119–136.
15. Prensky M. Digital natives, digital immigrants. Part 1 // *On the Horizon*. – 2001. – № 9(5). – pp. 1–6.
16. Prensky M. Our Brains Extended. // *Technology-Rich Learning*. – 2013. – № 70(6). pp. 22–27.
17. Radin J. “Digital natives”: How medical and indigenous histories matter for big data // *Osiris*. – 2017. – № 32(1). – pp. 43–64
18. Sánchez J., Salinas A., Contreras D., Meyer, E. Does the new digital generation of learners exist? A qualitative study // *British Journal of Educational Technology*. – 2010. – № 42(4). – pp. 543–556.
19. Scolari C. Beyond the myth of the “digital native” // *Nordic Journal of Digital Literacy*. – 2019. – № 14(03-04). – pp. 164–174.
20. Sugadev T., Santhosh P. Making teaching compatible with the digital natives: A survey // *International Journal of Recent Technology and Engineering*. – 2018. – № 7(6). – pp. 1415–1418.

© Руденкин Д. В., 2021.